

**БОГОСЛОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
«ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ ЦЕРКВИ»**

Москва, г/к «Даниловский» 14-17 ноября 2005 г.

*Диакон Андрей Кураев,
Московская Духовная Академия*

**ОТНОШЕНИЕ ХРИСТИАНИНА К ПРЕДМЕТАМ И ДОКУМЕНТАМ
С НЕХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКОЙ**

Многие столетия христиане жили в мире, который на символическом уровне был христианским. Привыкли. И когда стали возвращаться языческие символы — появились страхи: а не повредит ли нам соседство или хотя бы даже зрительное прикосновение к языческим изображениям?

Так может ли христианин употреблять предметы и документы, нагруженные нехристианской, языческой символикой? Возникает ли для христианина опасность в этом случае?

Вспомним, что древние христиане по заповеди Спасителя платили налоги языческому государству, а на монетах того времени были языческие надписи и знаки. Христос не запретил пользоваться языческими деньгами — «отдавайте кесарево кесарю» (Мф. 22, 21). Значит, не всякое прикосновение к символу, имеющему нехристианское и (или) антихристианское религиозное значение, сквернит христианина. Если для уплаты налога надо взять в руки монету с изображением человекобожеского кесаря — не нужно быть более религиозным, нежели сами языческие мытари. Уж если для них эта монета не идол и не религиозная святыня, а просто денежный знак, — тем более христианину не стоит видеть в этой монете что-то большее.

У той ситуации имелся и еще один значимый оттенок: в древности язычество было государственной религией. Из средств госказны выделялись пособия языческим жрецам; на «бюджетные» деньги строились языческие храмы. Таким образом, часть денег, передаваемых христианами сборщикам государственных налогов, затем шла в языческие храмы. И однако древняя Церковь не считала, что деньги, отданные языческому государству, есть форма языческой жертвы.

Ну, а если кто-то дает нам предмет, документ, монету, в котором он сам видит религиозный и нехристианский смысл?

Здесь надо помнить слова апостола Павла: «Идол в мире <есть> ничто» (1 Кор. 8, 4). Это «ничто» никак не должно влиять на наше поведение. Если я иду в храм и вдруг вижу, что на перекрестке какие-то сектанты установили свой идол, появление этой диковинки не должно никак повлиять на мое поведение. Я не должен подбегать к идолу и целовать ему ноги. Но я и не должен переходить на другую сторону улицы или же обходить его за квартал. Я не должен показывать язычникам, что я разделяю их религиозно-благоговейные чувства по отношению к идолу. Но я и не должен выражать страха перед ним. «Не бойтесь их, ибо они не могут причинить зла, но и добра делать не в силах» (Иер. 10, 5). И проявленное мною почтение, и выказанный мною страх лишь укрепят язычников в их вере, будто их идол столь силен, что может привлечь к себе или даже победить христианина.

Вспомним советы апостола Павла, как поступать с идоложертвенной пищей. Я, например, пришел в гости к знакомому язычнику. А он по ходу беседы угощает меня каким-то мясом. Вполне возможно, что плов, поставленный передо мной, изготовлен из того ягненка, который был принесен в жертву перед статуей Аполлона, то есть является «идоложертвенным». Как я должен вести себя? «Если кто из неверных позовет вас... то все, предлагаемое вам, ешьте без всякого исследования» (1 Кор. 10, 27).

Мы можем даже догадываться, что предлагаемая нам пища была как-то по язычески «освящена». Но пока нам прямо об этом не сказано — мы должны обращаться с ней как с самой обычной пищей. Мы просто должны помнить, что «Господня земля, и что наполняет ее» (1 Кор. 10, 26). «Господня, а не бесов. Если же земля Господня, то Господни и деревья и животные, а если все

Господне, то по природе нет ничего нечистого, но все зависит от мысли каждого» (блаж. Феофилакт Болгарский)¹.

Что нам до того, что сделал какой-то язычник, исходя из ложных принципов своей веры? Его мысли — не мои.

Поэтому уже в пятом веке блаж. Августин при разборе вопроса о том, крещен ли человек, который желал креститься в православной вере, но священник, крестивший его, оказался невером или еретиком отвечает: «Я не пятнаюсь злой совестью другого тогда, когда она мне неизвестна... Я не знаю совести человека, но я знаю милосердие Христа» (Против книги Петалиана 1.1,2,3 и 6,8).

Мы должны помнить о наших правилах благочестия: «Едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте в славу Божию» (1 Кор. 10, 31). Все я должен делать с мыслью о своем Боге, а не о чужих лжебогах.

Но представим себе, что наш собеседник прямо сказал нам, что этот ягненок так вкусен именно потому, что вчера он был заколот у алтаря Аполлона. Тогда надо отказаться. Но почему? Совсем не потому, что в этом случае пища станет сквернее, чем она была до этого «объявления». Апостол Павел поясняет: «Но если кто скажет вам: это идоложертвенное, — то не ешьте ради того, кто объявил вам» (1 Кор. 10, 28). Если христианин станет есть идоложертвенное в присутствии язычника — тем самым христианин даст повод язычнику считать, будто этот христианин нетверд в своей вере. Ведь язычник может знать, что церковные правила запрещают вкушать идоложертвенное (см.: Деян. 15, 29), а тут он увидит, что его знакомый нарушает церковное правило. Видя такое пренебрежение христианина к его же собственным правилам, язычник перестанет уважать его и уже не будет слушать христианскую проповедь из уст этого своего знакомого. Как об этой опасности предупреждал христианский апологет II века Минуций Феликс, «всякое произведение природы как ненарушимый дар Божий, не оскверняется никаким употреблением; но мы воздерживаемся от ваших жертв, чтобы кто не подумал, будто мы уступаем демонам, которым они принесены, или стыдимся нашей религии» (Октавий. 38).

Кроме того, языческий угощатель может счесть, будто христианство одобряет языческую религию. И можно совмещать участие в языческих мистериях и в христианских таинствах. Уверившись в том, что и христиане прибегают к языческим ритуалам, он еще прочнее будет держаться за них².

Так одна бытовая ошибка, один жест могут столкнуть человека в болото религиозной всеядности.

Наконец, вкушение христианином идоложертвенной пищи может иметь еще дурное последствие уже внутри самой церковной общины. Ибо среди христиан есть такие, что не очень твердо понимают правила христианского поведения. Вот как об этом писал святитель Феофан Затворник: «Более совершенные христиане считали идолов за ничто и идоложертвенное считали чистою пищею. Другие, менее совершенные, не могли еще отрешиться от прежнего, языческого своего взгляда на идолов как богов и на жертвы им как действительным скверным богам. При таких мыслях вкушение идоложертвенного считали противным своей христианской совести, которая еще была немощна — бессильна, чтобы считать идолов за ничто. Но, увлекаемые примером более совершенных, принимают участие в идольских трапезах, едят идоложертвенное как идоложертвенное и тем сквернят свою немощную совесть. Причиной же соблазна немощных служит то, что само по себе не имеет никакой цены пред Богом: едим ли идоложертвенное — мы ничего не приобретаем, не едим ли его — ничего не теряем перед Богом»³. Этими словами св. Феофан пересказывает размышления блаж. Феофилакта Болгарского.

Тот, кто позволяет себе вкусить идоложертвенное при убеждении, что это обычная еда — оказывается, совершенный христианин. Так пишет Апостол. Так это понимают Святые Отцы. «Сильные рассуждением смотрят на идоложертвенное как на всякую другую пищу, вкушают то со спокойной совестью»⁴. Тот же, кто боится идоложертвенного и приписывает еде причастность тем

¹ Блаж. Феофилакт, архиеп. Болгарский. Толкования на Новый Завет. СПб., 1911, С. 460.

² «Бог создал меня свободным и поставил выше всякого вреда; но язычник не умеет ни судить о моей философии, ни понимать щедротельности моего Владыки, а станет осуждать меня и скажет сам себе: учения христиан — басня; они удаляются идолов, избегают демонов, а от приносимого им не отказываются; велико их чревоугодие» (Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Первое послание к Коринфянам. 25,1 // Творения св. Иоанна Златоуста. Т.10. Кн. 1, СПб., 1904, с. 245).

³ Жизнь и труды святого апостола Павла: Последовательный комментарий апостольских посланий, составленный по трудам епископа Феофана Затворника. СПб., 1912. С. 128–129.

⁴ Свт. Феофан Затворник. Творения. Толкования посланий апостола Павла. Первое послание к коринфянам. М., 1998, с. 305.

несуществующим лжебогам, с призыванием мифических имен которых были закланы идоложертвенные животные, еще остается несовершенно христианином.

По еврейскому закону два основных источника осквернения, нечистоты — это все, что связано с язычеством и все, что связано со смертью. Прикосновение к мертвому телу считалось скверной. Но так ли сегодня у христиан? Для христианского сознания «ни смерть не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Римл. 8,38-39)⁵. Тело было храмом духа при жизни, становится мощами по смерти. Мы прикасаемся к останкам даже с благоговением... Этот перелом в отношении к останкам тоже давался Церкви не без труда. Но он все же произошел очевидно и до конца. А вот в отношении к идоложертвенному и по сию пору приходится различать поневоле «эзотерическое» учение Церкви и педагогические соображения.

Есть люди, сохранившие «идольскую совесть» (1 Кор. 8,7). Они «имеют об идолах такое же мнение, какое имели до обращения, почитая их за нечто и боясь их, как могущих нанести вред»⁶. Такие люди, если им доводится вкушать идоложертвенное, «испытывают подобное тому, как если бы кто-нибудь по обычаю иудейскому почитал прикосновение к мертвецу осквернением, но, видя, что другие прикасаются к нему с чистой совестью, из стыда пред ними прикоснулся бы и сам, но осквернился бы и сам в совести, будучи осуждаем ею» (Феофилакт Болг.)⁷.

Параллель вполне ясна: христианину, в любой ситуации призванному помышлять о Едином Боге и стяжавшему такую привычку, не скверно прикоснуться к мертвым останкам, равно как нет для него никакой убыли и при вкушении идоложертвенной пищи.

Так что надо различать онтологию (или богословие) и педагогику.

С точки зрения бытийной, реально-сущей, идол есть ничто и идоложертвенное не вредит человеку. «Нет в них никакой тайной силы», — пишет об идоложертвенных трапезах Климент Александрийский⁸.

Поэтому, приобретая пищу для самого себя на рынке, можно не интересоваться — идоложертвенная она или нет — «дабы опять не сделались они разборчивыми сверх должного, не стали бы отказываться от продаваемого на торгу из опасения, что это может быть идоложертвенное, [Апостол] говорит: все, что продается, ешьте без исследования о продающих, без расспроса, не идоложертвенное ли продается, как будто зазирает вам совесть, и вы хотите очистить ее. Или так: дабы не зазирала тебе совесть, ты не исследуй; ибо при разбирательстве можешь узнать, что предполагаемое тобою в покупке — идоложертвенное, и совесть твоя будет беспокоиться»⁹. «Все, что продается на торгу, ешьте без всякого исследования, для спокойствия совести» (1 Кор. 10,25).

С точки же зрения педагогической — прежде чем самому пользоваться этим своим знанием, надо подумать: не повредит ли это тому человеку, у которого такого знания еще нет, не понудит ли это и его прикоснуться к пище, которую он же сам еще считает нечистой, и не смутит ли это тем самым его совесть. «Совесть же разумею не свою, а другого: ибо для чего моей свободе быть судимой чужою совестью» (1 Кор. 10,29). Оттого апостольский собор, созданный для разрешения споров между христианами из иудеев и из язычников, по сути призвал обе стороны к уступкам: евреев он призвал не смущать неевреев требованием обрезания, а неевреев он призвал не смущать евреев вкушением идоложертвенного.

Теперь понятно, «в каком он (Апостол) находился затруднении. Он хочет доказать два предмета — и то, что надо воздерживаться от такой трапезы, и то, что она не может вредить вкушающим от нее. Эти предметы не совсем согласуются между собою. Слыша, что идольские

⁵ Толкование преп. Ефрема Сирина: «Ибо уверен я и содержу твердо, что ни смерть, ни жизнь, ни другая тварь (т.е. порождение) или страдания, или Антихриста, не возможет нас отлучить от любви Христовой» (Преп. Ефрем Сирин. Толкование на Послание к Римлянам // Творения. Ч. 7. Сергиев Посад, 1900, с. 38)

⁶ Блаж. Феофилакт, архиеп. Болгарский. Толкования на Новый Завет. Спб., 1911, С. 445.

⁷ Там же, с. 446. То же у св. Иоанна Златоуста: Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Первое послание к Коринфянам. 20,4 // Творения св. Иоанна Златоуста. Т. 10. Кн. 1, Спб., 1904, с. 194.

⁸ «Но я не хочу, говорит Апостол, чтобы вы были в общении с бесами (1 Кор. 10,20): не может быть одной и той же и спасаемых пища, и гибнущих. Должно, следовательно, от участия в этих похоронных бражничаньях устраниваться — не из страха, потому что **нет в них никакой тайной силы**; но для охранения чистоты нашей совести, которая свята; из-за отвращения к демонам, которым те бражничанья посвящены, мы должны их гнушаться. И, кроме того, не должны мы принимать в них участия ради тех людей, которые по своему легкомыслию многое в дурную сторону перетолковывают, и совесть их, будучи немощна, оскверняется (1 Кор. 8,7). Пища не приближает нас к Богу (1 Кор. 8,8). Не то, что входит в уста, говорит Спаситель, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека (Мф. 15,11). Таким образом, употребление в пищу разного рода кушаний безразлично. Едим ли мы, говорит Апостол, ничего не приобретаем, не едим ли, ничего не теряем (1 Кор. 8,8). Но непристойно в трапезе, демонам посвященной, принимать участие тем, которые устаиваются питания Божественного» (Климент Александрийский. Педагог. М., 1996, с. 119).

⁹ Там же, с. 450.

жертвы не причиняют вреда, коринфяне могли пользоваться ими как безразличными. А слыша запрещение прикасаться к ним, они могли подозревать, что эти вещи запрещены потому, что могут вредить. Потому, отвергнув понятие об идолах, первой причиной воздержания он поставляет соблазн братьев»¹⁰.

Итак — «не потому учу я воздерживаться от идоложертвенного, будто оно нечисто»¹¹, а ради снисхождения к слабостям других... По сути же — «не из чего спорить»¹².

Вот резюме этих апостольских мыслей преп. Ефремом Сириным: «А об идольских жертвах знаем, поелику все мы знание имеем. И хотя это знание надмевает тех, кои ходят туда (к идольским капищам) для еды, но любовь, которая щадит ближних своих, туда не позволяет ходить. О ядении же идольских жертв знаем, что ничто есть идол в мире. Ибо хотя и есть предметы, коим воздается богопочтение, на небе или на земле, так как на небе солнце и луна называются богами, и другие также предметы на земле: но для нас один Бог Отец. Но не у всех есть знание о том предмете, о котором я сказал. Подлинно, если из-за пищи, которая извергается в отхожие места, соблазняется брат мой, то не только воздерживаться буду от мяса, которое в несколько дней съедается в доме идола, но совсем не стану есть мяса вовеки, дабы брата моего не соблазнить... Не то говорим, что идол есть что-либо; ибо я знаю, что то, что приносят в жертву язычники, они бесам приносят. Ради сего увещаваю вас избегать их, так как общение наше с бесами устраняет вас от общения с Господом нашим: ибо не можете чашу Господню пить и чашу бесовскую; и сесть за столом Господним и за столом бесовским. Или ревность хотите вызвать у Него этим? И хотя все можно ради свободы, но не все, что можно, бывает полезно ближним нашим. Не своей только пользы должны искать мы, но и ближних. Все, что продается на торгу, ешьте, только к жертвеннику бесовскому не приступайте. Ради совести не расспрашивайте о том, что находите на рынке, — совесть разумею не расспрашиваемых, а расспрашивающих. Если кто из неверующих зовет вас на обед, и вы желаете пойти, — то все, предлагаемое вам, ешьте по причине голода, ничего не расспрашивая ради совести, дабы не ослабеть ей. Если же кто скажет: это священная жертва — то не ешьте ради того, кто объявил. Ибо Господня земля с полнотою ея»¹³.

Святой равноапостольный император Константин Великий использовал языческую символику в своих монетах. Но изображения языческих богов лишаются собственно религиозного значения, становясь просто аллегориями — какими они были, например, в европейских дворцах 17-19 веков. «Было и обратное: есть монеты, на которых к изображению Марса приставлена голова Константина»¹⁴. Кроме того, Константин учитывал, что «святилище, коль скоро оно не имело при себе персонала жрецов и не имело никакого культа, не считалось по античным представлениям за храм в религиозном смысле»¹⁵. Поэтому император Константин оставил в Константинополе неразрушенными святилище и статуи Диоскоров.

Но и император, к сожалению, в жертву невежеству христиан, плохо знающих свою собственную веру, принес многие произведения искусства: «Узнав, что многие, подобно неразумным детям, малодушно боятся этих, вылитых из золота и серебра страшилищ заблуждения, он признал нужным уничтожить их как камни преткновения, брошенные под ноги людей, ходящих во тьме» (Евсевий. Жизнь Константина 3,54). Заметим, что оценка веры этих малодушных христиан выходит из-под пера епископа (Евсевия). Но придворный епископ не мог не оправдать действия императора. Так вместо усилия проповеди, вместо усилия по подтягиванию приходских масс до уровня понимания апостольского учения, был сделан очередной шаг на пути бесконечных компромиссов с «немогущими в вере».

В итоге и спустя 2000 лет после апостола Павла эти «немогущие» и «несовершенные» (блаж. Иероним называет их «иудействующими»¹⁶) составляют запуганное и пугающее большинство даже в

¹⁰ Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Первое послание к Коринфянам. 20,2 // Творения св. Иоанна Златоуста. Т. 10. Кн. 1, Спб., 1904, сс. 190-191.

¹¹ Блаж. Феофилакт, архиеп. Болгарский. Толкования на Новый Завет. Спб., 1911, с. 460.

¹² свт. Феофан Затворник. Творения. Толкования посланий апостола Павла. Первое послание к коринфянам. М., 1998, с. 307.

¹³ Преп. Ефрем Сирий. Толкование на 1 Послание к Коринфянам // Творения. Ч. 7. Сергиев Посад, 1900, сс. 77-79 и 84-86.

¹⁴ Разбор попыток некоторых ученых доказать, что Константин Великий не был христианином // Лебедев А. П. Споры об Апостольском Символе. История догматов. Исследования по истории древней Церкви. Спб., 2004, с. 273.

¹⁵ Голос протестантского ученого в защиту Константина Великого // Лебедев А. П. Споры об Апостольском Символе. История догматов. Исследования по истории древней Церкви. Спб., 2004, с. 289.

¹⁶ «Апостол повелевает покупать и вкушать все, что продается на рынке (1 Кор. 10)... Если он говорит римлянам “ядущий да не осуждает не ядущаго и неядущий да не осуждает ядущаго” (Рим. 14,3), то не утверждает равного значения поста и пресыщения, но говорит против тех, кои уверовав во Христа, еще

Церкви... Нельзя же ограничиваться тем, что все время лишь снисходить к слабостям немощных. Надо же все-таки и проповедовать им истину! Блаж. Феодорит сказал о таких «немощных», что их «не вкушение сквернит, но сквернится совесть, не приняв совершенного ведения, а будучи еще одержима идольской прелестью»¹⁷. Так сколько же будет длиться это «еще»?!

Те церковные люди, кто всерьез опасаются «негативной энергетики» идолов, для обоснования своих страхов приводят один эпизод из святоотеческой литературы. В III веке св. Киприан Карфагенский повествует в книге «О павших»: «Какие-то родители оставили маленькую дочь свою на попечении кормилицы. Та отнесла ее к правителям; а они дали ей съесть пред идолом хлеба, смешанного с вином, оставшимся от идоложертвенных приношений. Впоследствии дочь была передана матери. Мать принесла ее с собою, когда мы совершали Божественную службу. Малютка, очутившись среди святых и не в состоянии будучи выдержать наших молитв и молений, стала как умоиступленная метаться во все стороны. Когда же диакон стал подносить чашу присутствующим и, по принятии прочими, дошла до нее очередь,— малютка... отвортила свое лицо, стиснувши губы, зажала рот, отказывалась от чаши. Однако диакон настоял и, несмотря на сопротивление, влил ей в рот немного таинства. Тогда последовала икота и рвота: Евхаристия не могла оставаться в теле и устах поврежденных внутренностей. Таково могущество Господа! Пред светом Его явны самые темные тайны, и сокрытые преступления не обманули священника Божия»¹⁸.

В данном случае речь идет о младенце, который не мог сознательно противиться Причастию. И оттого так легко сделать вывод — вот, мол, видите, даже неосознаваемое прикосновение к демонической тьме делает человека (даже младенца) врагом Божиим... Но такой вывод будет логичен лишь при одном условии: если при пересказе или цитировании пропустить три слова. Вот они: «Малютка, по вдохновению свыше, отвортила свое лицо». Оказывается, не демон действовал через малышку, а Господь вложил в нее такое действие, чтобы через проявленное ею противление обнаружить для других невозможность совмещать поклонение идолам и служение Христу.

Среди церковных преданий, которые вспоминаются для обоснования идоло-боязливой позиции, вспоминается еще и рассказ о чуде св. Феодора Тирона¹⁹. Когда в IV веке язычествующий император Юлиан Отступник пожелал надсмеяться над христианами, он повелел тайно окропить идоложертвенной кровью продукты на всех рынках города. И тогда константинопольскому епископу с предупреждением о задуманном явился св. Феодор...

Тут важно понять замысел императора Юлиана. Если бы христиане, не ведая о происшедшем, приняли бы идоложертвенные яства, в этом не было бы для них греха и не было бы ничего их сквернящего. Но император (знающий христианские правила) на следующий день предал бы затеянное им огласке и использовал бы этот казус для пропаганды язычества: мол, вы все равно уже сделали нечто, несовместимое с вашей христианской верой, так что, раз вы все равно потеряли Христа, то давайте уж без церемоний! продолжайте сотрапезничать с нами... И люди, неискушенные в богословии, сочли бы это императорское передергивание правдой, подумали бы, что они и в самом деле совершили нечто ужасное и, отчаявшись, сами себя отлучили бы от Церкви и вступили в общение с язычниками... Вот ради таких «немощных» и было даровано знамение от Бога.

На деле же, если христианин не знает о секретах предлагаемой ему трапезы — она ему не повредит. По мысли Златоуста, ап. Павел обращается к коринфянам, «чтобы этим страхом (перед сознательным участием в языческих мистериях — А.К.) не ввести их в другую крайность, чтобы они по чрезмерной осторожности не стали опасаться подобного осквернения каким-либо образом без их ведома... Если будешь есть, не зная и не слыша, что это — идоложертвенное, то не подлежишь наказанию, так как это — дело неведения, а не невоздержания... Апостол предоставляет им великую независимость и свободу: не дозволяет им даже сомневаться, т.е. исследывать и разведывать, идоложертвенное ли это или нет, а заповедует просто есть все, находящееся на торжище»²⁰.

Но апостолу Павлу и представиться не могла нынешняя ситуация: атеистически настроенный хозяин угощает гостей какими-то продуктами, о которых он сам уверяет, что они самые что ни на

иудействовали, и уверовавших из язычников увещевает, чтобы своей пищей они не соблазнили их, бывших еще слишком слабыми в вере... Ибо бывшим еще нетвердыми в вере и считавшим одни мяса чистыми, а другие нечистыми повелевается есть овощи; более же твердые в вере признавали все мяса одинаковыми» (блаж. Иероним Стридонский. Две книги против Иовиана // Творения. ч. 4. Киев, 1880, сс. 255-256).

¹⁷ Цит. по: свт. Феофан Затворник. Творения. Толкования посланий апостола Павла. Первое послание к коринфянам. М., 1998, с. 305.

¹⁸ Св. Киприан Карфагенский. Творения. М., 1999, сс. 223-224.

¹⁹ Вступительное слово // Православие или смерть! Публицистический альманах. Вып. 15. Предпоследний выбор. М., 2000, с. 3.

²⁰ Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Первое послание к Коринфянам. 25,1 // Творения св. Иоанна Златоуста. Т.10. Кн. 1, Спб., 1904, сс. 243-244.

есть обычные, а гости-христиане твердят: «Нет уж, не притворяйтесь! Мы знаем, что вы на самом деле даете нам идоложертвенное».

Порой люди, считающие, что штрих-коды (точнее, веруемые в них шестерки) сквернят все, к чему они прилепляются, говорят, что число 666 есть максимум скверны, а потому не может быть освящено (как не может принять благодати, например, моча). Верно. Но ведь возможные альтернативы не сводятся только к дилемме: или освятить, или отбросить. Есть еще возможность — отвоевать. Это путь экзорцизма, «отчитки». Это возвращение Богу части Его творения, украденной сатаной. Возвращение через молитву христиан.

Штрих-коды никто не собирается «освящать». Речь идет о другом: об очищении продукта (книг, пакета молока, документа), помеченного штрих-кодом, от предполагаемой скверны.

Уверение в том, что тайный, незаметный для христианина знак «портит» вещь и человека, который с этой вещью соприкоснулся, входит в противоречие с православным богословием образа. В 1082 г. византийский император Алексей Комнин при ведении войны столкнулся с решительной нехваткой денег. И тогда он велел перелить в монету медные врата одного из храмов. На этих вратах были излиты иконы двенадцатых праздников. Халкидонский митрополит Лев возмутился поступком царя, сочтя его кощунственным и иконоборческим. Для разрешения конфликта был созван собор. Лев отстаивал ту мысль, что вещество, из которого делаются священные изображения, остается священным предметом даже и после того, как уничтожен лик угодника или Христа. Собор же пояснил, что честь оказывается не веществу иконы, а ее Божественному прототипу...²¹

Церковная практика и в самом деле велит изымать из молитвенного употребления иконы, на которых стерлись лики. Осыпавшуюся или безнадежно почерневшую икону можно сжечь — и это не будет кощунством. «Если бы кто захотел поцеловать находящееся в зеркале свое изображение, то он поцеловал бы не естество, но отображенное в нем подобие его самого, поэтому он и прильнул к веществу. Конечно, если он удалится от зеркала, то вместе с ним отступит и образ, как не имеющий ничего общего с веществом зеркала. Таким же образом и относительно вещества изображения: если уничтожено подобие, которое было на нем видимо, и к которому относилось почитание, то вещество остается без почитания» (преп. Феодор Студит)²². Поэтому икону с затемнившимся и неразличимым ликом уничтожали, не боясь поругания «накопившейся в ней благодати».

Только пока изображение видно предстоящему человеку — икона способна послужить сочетанию его ума с Божественным Первообразом. Если же мы говорим, что бумага, помеченная незаметным для человека сатанинским знаком, пленяет ум этого человека сатане, то в таком случае сатане мы приписываем больше, чем Богу.

Некоторые русские раскольнические секты отказываются поклоняться иконам, на которых представлены какие-то посторонние лица или предметы (например, иконописному изображению распятия, если на иконе представлены воины-распинатели). «Древу поклоняетесь — говорят рябиновцы, указывая на изображение мамврийского дуба на иконе Троицы, — звезды почитаете, осла ублажаете, когда изображаете вход Господь в Иерусалим, змею и коню молитесь, когда прославляете подвиг великомученика Георгия»²³. Здесь все то же непонимание: не наличие изображения как такового вводит в мир людей того, кто изображен на иконе, а молитвенное именование его людьми устанавливает благодатную связь между человеком, иконой и первообразом. Стоглавый собор, рассмотрев вопрос о допустимости изображения на поклонных иконах несвятых лиц и предметов, пришел к выводу, что это делать можно.

Итак, на иконе может быть изображено мученичество отроков в вавилонской печи. При этом на заднем плане будет изображен идол, которому отроки отказались поклониться. Христианин же, поцеловавший эту икону, никак не стал поклонником персидских богов. Хоть и изображен мерзкий знак на предмете, которому христианин оказал знак любовного почтения, но раз в его уме не было намерения поклониться идолу и даже, напротив, было вполне сознательное и даже словесно, молитвенно выраженное стремление почтить подвиг тех, кто этот идол попрали, то христианин не стал идолопоклонником...

Тем более присутствие идольского знака или языческого заговора на мирской вещи, то есть на такой, которая не требует никаких жестов религиозного почитания, не может сделать богоотступника из христианина, который пользуется вещью, а не этим знаком.

В Турецкой империи каждый Константинопольский патриарх и каждый епископ, будучи избранным, нуждался в султанском берате, подтверждавшем его духовный и светский авторитет²⁴.

²¹ См. Успенский Ф.И. Очерки по истории византийской образованности. История крестовых походов. М., 2001, сс. 164-166.

²² Преп. Феодор Студит. Послание Платону о почитании икон. // Символ. Париж, 1987. N. 18. С. 251-252.

²³ См. Б. А. Успенский. О семиотике иконы. // Символ. № 18. Париж, 1987, сс. 180 и 213.

²⁴ См. Св. Феофан Затворник. Собрание писем. Из неопубликованного. М., 2001, с. 176.

Причем документы, касающиеся православных подданных, сопровождалась мусульманскими формулами («Во имя Аллаха...»)²⁵. В языческих странах государственные документы сопровождалась и сопровождаются упоминаниями и изображениями соответствующих божеств. Но если государство вписывало имя христианина в бумагу, на которой государство же исповедовало свои религиозные взгляды — то христиане не считали, будто такого рода процедуры лишали их общения со Христом. Для совести важно — что написал я, а не то, что другие написали рядом с моим текстом или с моим именем. Если я сделал заметки на оборотной стороне какой-то странички — это еще не значит, будто я исповедую то, что на этой страничке написано.

Советские документы и деньги несли на себе символы, у которых было оккультно-антихристианское толкование. На первых советских банкнотах было изображение свастики. И во все последующие годы пентаграммы, молот с серпом, изображения яростного ненавистника Церкви В. Ленина метили и деньги, и советские паспорта. Но люди не придавали никакого значения этой зловещей символикке. Они видели в дензнаках просто знаки, отражавшие их собственный труд, и как частичку своего труда приносили эти бумаги в храмы. И подавали деньгами милостыню, и жертвовали их на церковные нужды.

Более того — и на церковных документах (и даже на антиминсах) встречались зловещие имена. Митрополит Иоанн (Снычев) долгое время подписывался: «Архиепископ Куйбышевский». Затем на своих антиминсах он ставил подпись: «Митрополит Ленинградский». Бывали даже архиереи с титулами «Сталинградский и Молотовский». Но разве священнодействия этих архиереев были безблагодатны?

Не сквернит христиан путешествие на кораблях, носящих имена мифических богов и богинь: «Афродита», «Венера», «Нептун», «Громовержец»... Были такие корабли и в составе русского военного флота, что совсем не исключало наличия на них православных иеромонахов.

И христиан Франции не оскверняет ежедневное использование ими имен языческих богов. Во французском языке названия дней недели до сих пор включают в себя языческие имена: Mardi (вторник) — день Марса; Mercredi (среда) — день Меркурия; Jeudi (четверг) — день Зевса; Vendredi (пятница) — день Венеры. Но ведь не Меркурию и не Венере молятся во французских православных монастырях в эти дни, а Христу и Его святым, хотя в богослужебных расписаниях и написано, например: «19.12, mardi — St. Nicolas».

А ведь были святые, которые сами носили имена языческих богов (т.н. теофорные имена): св. мученик Меркурий, св. мученик Аполлон (чье имя наш календарь честно переводит: «губитель»), св. Афинодор (букв.: «дар богини Афины»). Имя Варсонофий означает молитву к египетскому богу Анубису: «Анубис, бодрствуй!», т.е. храни мумию²⁶. И что же — определена ли была их судьба их именами? Должны ли мы избегать этих святых, поскольку они носят те же имена, что и языческие идола?

Почему-то эта радостная защищенность христианина умалется сегодняшней церковной литературой и — особенно — околоцерковными пересудами. Они стали слишком много приписывать могуществу темных сил, умаяя силу Божию и Промысл Творца. Например, если в святоотеческой литературе под «печатью антихриста» понималось сознательно-вольное поклонение ему («Волею ли приходишь ко мне?» — «Да, волею!»)²⁷, то теперь стали модны разговоры о том, что эту печать можно принять как-то совсем незаметно, чуть ли не просто зайдя в магазин и купив пакет сока со штрих-кодом. И, не желая отречься от Христа, — ты вдруг его утратишь в результате какого-то постороннего прикосновения к тебе или к твоей пище...

Архим. Иоанн (Крестьянкин), отвечая на беспокойство в связи с навязыванием людям налоговых номеров, напомнил азы христианской веры: «запомни и уясни для себя волю Божию: “Сыне, даждь Ми твое сердце” — не паспорт, не пенсионное удостоверение, не налоговую карточку, но сердце. Вот зачем следить-то надо неусыпно и со всем тщанием — кому мы в жизни служим, чем живем... Наше сопротивление грядущему страху одно единственное — наша вера в Бога, наша жизнь по вере. А все те смущения, смятения и неразбериха для того так властно и входят в жизнь и потому входят, что нет живой веры, нет доверия Богу. И все это вражье вытесняет спокойствие духа и

²⁵ См. Митрополит Мелетий. Печать антихриста в православном Предании. М., 2001, Сс. 21-22.

²⁶ Отзыв экстраординарного профессора священника П. А. Флоренского на сочинение студента иеромонаха Варнавы (Беляева) на тему «Св. Варсонофий Великий. Его жизнь и учение» // Богословский вестник. 1916, с. 179.

²⁷ «Печать же его на челе и на правой руке, вероятно, имеет написание “отрекаюсь”. Таково будет надписание и печать во времена этого ненавистника добра — та печать, которая будет гласить: “Отрекаюсь от Творца неба и земли; отрекаюсь от крещения; отрекаюсь от служения моего Богу и присоединяюсь к тебе и в тебя верую”» (Свт. Ипполит Римский. Слово о кончине мира и об антихристе и о втором пришествии Господа нашего Иисуса Христа, 28 и 29 // Творения. — Троице-Сергиева Лавра, 1997, ч. 2, с. 75).

благонадежие. Живи же спокойно, молись Богу и доверяй Ему. Господь ли не знает, как сохранить своих чад от години лютой, лишь бы сердца наши были верны Ему? Кто и как будет отвечать перед Богом? Судится Богом человеческое произволение»²⁸.

О том же сказано в Заявлении Синода Русской Православной Церкви от 7 марта 2000 года: «мы хотим ясно заявить: не следует бояться внешних символов и знаков, ведь никакое наваждение врага душ человеческих не способно превозмочь благодати Божией, изобилующей во Святой Церкви. Ничто и никто не может поколебать веры человека, если он воистину пребывает со Христом и прибегает к Таинствам церковным. Святой апостол Петр пишет: «Кто сделает вам зло, если вы будете ревнителями доброго? Но если и страдаете за правду, то вы блаженны; а страха их не бойтесь и не смущайтесь. Господа Бога святите в сердцах ваших; будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением» (1 Пет. 3. 13-15) Вопреки традиции иногда утверждают, что технологическое действие якобы может само по себе произвести переворот в сокровенных глубинах человеческой души, приводя ее к забвению Христа. Такое суеверие расходится с православным толкованием Откровения святого Иоанна Богослова, согласно которому «печать зверя» ставится на тех, кто сознательно уверует в него «единственно ради ложных его чудес» (святитель Иоанн Златоуст). Никакой внешний знак не нарушает духовного здоровья человека, если не становится следствием сознательной измены Христу и поругания веры».

Не стоит забывать, что каждый сам наделяет реальностью то, во что верит. Если кому-то очень захочется отстоять реальность языческой колдовской мистики и всемогущие бесов — в его жизни и опыте они станут таковыми. Евангелие же призывает нас верить в Христа и Его Царство для того, чтобы мы стали чужими и недоступными для стихий «мира сего».

---

²⁸ Радонеж. Православное обозрение. 2000. № 9-10.